

Применив силу, женщина придавила Юн Ци к кровати. В данную минуту она не обращала внимания на прекрасные манеры императорской наложницы, лишь стремилась утихомирить сына, коленом надавливая на Юн Ци и не позволяя ему высвободиться.

Цин И держала в дрожащих руках чашечку, отчего вода в ней расходилась волнующей рябью на поверхности.

Стиснув зубы и поднеся чашку к бледным губам Юн Ци, женщина всеми силами попыталась влить содержимое.

Юноша мотал головой, не соглашаясь подчиняться, слезинки текли по лицу, сам Юн Ци по-прежнему только беспрерывно говорил:

— Юн Шань, Юн Шань! Младший брат, младший брат!

Вода попала в рот и в дыхательное горло, отчего юноша поперхнулся, и сейчас же раздался тихий кашель, а кровь, смешавшись с чистой водой, потекла из уголков рта.

Цин И, увидев это, была ошеломлена. Мягкие руки взяли чашечку, а сама служанка, обернувшись, посмотрела на наложницу Ли:

— Государыня...

На глазах наложницы Ли выступили слёзы, но женщина свирепо сказала:

— Лей! Нет! Дай я налью! — Она не выдержала и, склонив голову набок, обеими руками крепко прижала сына.

Цин И только и могла, что, часто дрожа, подойти к госпоже.

Слабый Юн Ци, что был охвачен тяжёлой болезнью, которая никак не проходила, под натиском двух женщин, давших ему выпить лекарство, смешанное с водой, плакал и кашлял. Постепенно крики затихли, а сам юноша даже сопротивляться перестал.

Юн Ци лежал в кровати, красивые глаза, замерев, смотрели вверх, губы слегка то открывались, то смыкались, сопровождалось всё это постепенно ослабевающим кашлем.

Наложница Ли, увидев, что сын не двигается, решила отпустить руки и, склонившись ниже, приложила ухо к его губам.

Женщина услышала, что он всё ещё бормочет: «Юн Шань... Юн Шань... Младший брат...»

Он висит на волоске от смерти.

Наложница Ли на мгновение обомлела, вмиг её тело ослабло, словно всю силу вытащили из него, и женщина, упав ничком на сына, разрыдалась во всё горло.

— Горе моё! Горе! Сын императора, нескольких династий, почему ты такой глупый? Наложница Шу, твой хороший сын испортил моего Юн Ци. Зачем? Я не прощу тебя! Я не прощу тебя!

Узнав, что Юн Шэн вернулся из Дворца Наказаний, наложница Цзинь немедленно призвала к себе сына и сразу же спросила:

— Как всё прошло?

Юн Шэн в душе был раздосадован, лицо его было крайне дурным, а взяв горячий, только что поданный служанкой чай, юноша спешно поднёс его к губам и внезапно дёрнул щекой.

Глаза чуть не выпали из глазниц!

Чашечка, упав на пол, разбилась вдребезги, всё содержимое расплескалось.

Юн Шэн подпрыгнул и отвесил пощёчину служанке:

— Подлая дрянь, хочешь, чтобы я обварился до смерти?

Девушка, упав на землю, из-за слабости в ногах не смогла подняться, лишь стояла на коленях и часто дрожала.

Наложница Цзинь, посмотрев на Юн Шэна, поняла, что дела идут не гладко, и, подойдя к расшумевшемуся юноше, проговорила:

— Сынок, зачем так сильно гневаться? Если служанка дурно прислуживает, позови управляющего, лучше он придёт, стукнет её разок. Зачем самому руки марать? Позволь матушке посмотреть. Рука не болит?

Разглядывая ладонь Юн Шэна, женщина вытащила вышитый носовой платок и вытерла его руку с двух сторон, в это же время призвала слуг, чтобы они схватили негодную служанку-преступницу и отдали управляющему. Пусть примет решение, а затем вновь попросила других слуг подать тёплый чай.

Подождав, пока принесут чай, наложница Цзинь лично взяла чашечку и, опустив в него

кончик пальца, проверила температуру.

— Пей. — Только потом женщина вручила чашечку Юн Шэну и заболтала: — Ведь матушка говорила тебе, что ты скоро станешь наследным принцем. А ты всё же такой неопытный. Снаружи целый день работаешь не покладая рук, устаёшь. Возвращаясь домой, старайся успокоиться, а по поводу и без отвешивать оплеухи, драться и браниться — это неприлично.

Юн Шэн понимал, что матушка права, и, взяв чайную чашечку, удручённо опустил голову и сделал большой глоток.

Наложница Цзинь, приказав ждущим слугам удалиться, не смогла сдержаться и спросила:

— И всё-таки, как прошло?

— Что «как прошло»?

— Во Дворце Наказаний, он сознался?

При одном лишь упоминании об этом Юн Шэн пришёл в ярость и со злобой проговорил:

— Ни шиша не сознался! Юн Линь, и ещё присланный отцом-императором этот Сюань Хунинь, — все устраивают мне подвохи. Юн Шань упрямится [1], в его словах даже проступков не найти, после я спросил его: верно ли, что Юн Ци украл письмо Гун Ухуэя, так он неожиданно прикинулся глухим и немым, закрыл рот и не ответил.

— Не ответил? — Наложница Цзинь нахмурила брови. — Он не ответил, а ты как поступил?

— Как поступил? Конечно же, применил пытки.

Сердце женщины подпрыгнуло, а сама она неодобрительно проговорила:

— Так поступать разве правильно? Твой отец-император пока ещё не издал указ о том, что он опальный принц, а бить наследника престола — это...

Юн Шэн, испытывая отвращение, с силой поставил чашечку на стол:

— Как матушка может петь те же мотивы, что и эти люди? Какой ещё наследник престола? Сидящий во Дворце Наказаний? Матушка знать не знает, какой Юн Шань возмутительный. Подсудимого всё ещё считают наследником престола. Он сказал, что мы не осмелимся поставить его на колени, и ещё сказал, что бить его нужно палкой, обёрнутой в ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк. Пф, а если палку завернули бы в другую ткань? Я один раз ударил его,

чтоб кожа лопнула и мясо обнажилось [2].

Наложница Цзинь допытывалась:

— Тогда он сознался?

Юн Шэн вновь фыркнул и гневно проговорил:

— Юн Ци является его сердцем и душой. Думаете, он так просто втянет его в этот омут? Он стерпел пятьдесят ударов палками и всё же не согласился открыть рта. Я тогда стиснул зубы, взял прут и хотел ещё раз ударить по спине, не убил, так изувечил бы его. Это был допрос по высочайшему указу, он отказался отвечать на вопросы, а убив сразу, я не добился бы оправдания. Неожиданно этот Сюань Хунинь, пятый чиновник, высунулся и создал беспорядок. Указывая на небо и чертя по земле [3], он говорил, какие законы у Министерства наказаний и что я лично учиняю самосуд. После даже мелкий чиновник, управляющий Дворцом Наказаний, тоже вышел и начал нести вздор, что занимающихся наказанием слуг во Дворце Наказаний нельзя сменять, как мне вздумается. А Юн Линь, пока я ослабил бдительность и не обращал на него внимания, бросился вперёд и неожиданно головой ударил меня в грудь. Вот действительно подлец!

Наложница Цзинь сильно любила сына и, спешно вытянув руку, которая нежностью напоминала стрелки зелёного лука, потёрла место на груди, куда ударил его третий принц.

— Юн Линь безобразничает везде, где угодно, это нехорошо. Наложница Шу воспитала сыновей, одного скрытным, а другого тираном. Они действительно похожи на свою мать и совершенно заслужили быть запертыми во Дворце Наказаний.

Наложница Цзинь бранила Юн Линя, давая Юн Шэну отвести душу, её изящные брови вновь слегка нахмурились, и женщина сказала сыну:

— Юн Шэн, ты должен найти способ добиться искренних показаний Юн Шаня и также затащить Юн Ци в тот же омут, и тогда ты действительно получишь место наследного принца.

— Ясно. Сколько ещё матушка будет говорить мне об этом деле? — Юноша не выдержал. — Неужели мне не хочется, чтобы Юн Шань сознался? Он, нынешний наследник престола, не признан виновным и не свергнут. Когда же наступит моя очередь?

— Юн Шань уже попал во Дворец Наказаний, рано или поздно его свергнут. Меня сейчас больше тревожит Юн Ци.

— Юн Ци? — Юн Шэн, не придавая этому значения, холодно усмехнулся. — Он уже давно опальный принц. Зачем беспокоиться о нём?

Наложница Цзинь с серьёзным видом проговорила:

— Ты неосмотрителен. Разве опальный принц не сможет вновь стать наследником престола? Юн Шань во Дворце Наказаний, дворец наследного принца освободился. Кому твой отец-император позволил там жить? Юн Ци! Ещё обеспечил расходами согласно рангу наследного принца. Если опираться на это, то, знаешь, твой отец-император на самом деле всё ещё дорожит Юн Ци. Неожиданно он выпустил из Холодного дворца наложницу Ли. Эта женщина крайне невыносима. Я знаю, в Холодном дворце она была недовольна своей участью, но сейчас, выйдя на свободу, рыба попала в океан. И кто знает, может, она ухватится за удобный случай, начнёт жизнь заново и, вернув благосклонность Его Величества, посадит своего сына на место наследного принца?

Юн Шэн всё ещё не успокоился и, качая головой, проговорил:

— Матушка всегда являлась супругой и как раз придаёт значение жизни во дворце, и знает, сколько совершено трат. Но самым главным является не это, а докладные записки. Юн Шань заключён, отец-император сейчас вместо него поручит бумаги мне, что покажет его намерения. Какой сын императора сможет вместо отца-императора проверять докладные? Его Величество не любит меня. Сможет ли он поручить мне такое важное дело?

Наложница Цзинь подумала, признавая, что в словах сына есть немного здравого смысла, но всё же настойчиво проговорила:

— Ты большой, сам возьми дело в свои руки. Однако я всё же хочу сказать, что борьба за титул наследного принца не такая простая, чем больше обезопасишься, тем лучше. Можешь позволить Юн Шаню дать показания против Юн Ци, их посадят, а твоя позиция почти наверняка укрепитя.

— Само собой, я знаю.

— Боюсь, у твоего отца-императора чувства изменчивы. Как раз сейчас, когда он оценивает тебя, ни в коем случае нельзя самовольно устраивать бесчинства, нужно осторожно нести службу и во всяком случае быть внимательным с докладными.

— Матушка действительно всё больше и больше раздражает, — вспльчиво проговорил Юн Шэн. — Я не дитя. Я, что, не знаю обо всём, что Вы сказали? Вчера вечером, вернувшись от отца-императора, ещё нашёл время, чтобы посмотреть стопку докладных, и из десяти нашлось три-четыре бумаги, где просили пощадить наследного принца. Действительно, где это видано, раз наследный принц невиновен, то виноват государь, посадивший его? Я остро раскритиковал их и осмелюсь сделать это снова, попадись мне ещё такие докладные. Думаю, они не станут ходатайствовать и оскорблять за наказание нынешнего государя!

Мать и сын очень долго вели секретный разговор в комнате, и, преисполненные надеждой на будущее, чувствовали, что времени осталось очень мало, и что в будущем, если им попадутся большие дела, то нужно будет поторопиться и делать всё сразу.

Во-первых, необходимо как можно скорее наказать сидящего во Дворце Наказаний Юн Шаня, если можно заодно расправиться и с Юн Линим. Это, конечно, будет как нельзя лучше.

Наложница Шу сейчас под арестом в своём дворце, но, несмотря на это, будет затруднительно нанести удар.

На самом деле Юн Шэн уже имел право просматривать докладные, а внешние чиновники, которые были связаны с наложницей Цзинь, должны были как можно скорее повыситься в ранге.

Через полчаса, как только мать с сыном обсудили это, вышли из комнаты.

Управляющий дворцом евнух Люй Юдэ, который ожидал снаружи, спешно поприветствовав их, приблизился к уху наложницы Цзинь и доложил:

— Государыня, во дворце наследного принца было замечено движение.

— Какое?

— Его Высочество Юн Ци очнулся, но после пробуждения стал вести себя, как сумасшедший, и орать во всё горло. Все во дворце наследного принца могли слышать его крики. По слухам, потом он начал харкать кровью и снова потерял сознание.

Глаза наложницы Цзинь в один миг засверкали; не показывая улыбки, женщина, лишь поцокав языком, произнесла:

— Похоже, Юн Ци сейчас охвачен крайне опасной болезнью.

Люй Юдэ, заискивая, проговорил:

— Конечно, Его Высочество Юн Ци родился недоношенным, и в этот второй год он стал ещё более бесполезным. Ваш слуга в прошлый раз видел его: худощавый, ветер подует, и он сразу упадёт. Куда ему сравниться с Его Высочеством Юн Шэном, который крепок здоровьем?

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «ни в масло, ни в соль», что означает «упрямый, заупрямиться, упереться».

[2] Обр. о жестоких побоях.

[3] Обр. в знач.: жестикулировать.

<http://bllate.org/book/13372/1189614>